

Современные записки
Общественно-политический и литературный
журнал, № 59

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 32
ББК 66
С56

С56 Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал, № 59 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 494 с.

ISBN 978-5-458-66827-9

"Современные записки" — литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже с 1920 по 1940гг. Задумывался как ежемесячное издание, но в реальности удавалось издавать не более 6 номеров в год, а с 1931 всего 2-3 номера в год. Тираж журнала составлял не более 2000 экземпляров. Как и другие эмигрантские издания, журнал «Современные записки» был запрещён в СССР. Тем не менее, сообщается, что номера журнала доставлялись в Кремль с дипломатической почтой. Кроме того, отдельные экземпляры ввозились на территорию СССР нелегально.

ISBN 978-5-458-66827-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Исторія одного путешествія

(Отрывки изъ романа) *)

Подобно тому, какъ всякое напряженіе должно рано или поздно найти **себѣ** выходъ, какъ **нагрѣваемая** вода взрываетъ тяжелыя **стѣнки** котла, какъ ломается ледъ на **рѣкѣ** со **страшнымъ** пушечнымъ шумомъ, — подобно этому **всякій періодъ** **человѣческой** жизни, состоянній изъ постоянно накапливаемаго отчаятія, **бессилія** что-то **сдѣлать**, тоски и **задыхающагося**, безнадёжнаго ожидания **невозможныхъ** вещей, долженъ кончиться либо смертью и тишиной, либо катастрофой. Такъ думалъ Артуръ въ **послѣднее** время. Въ теченіе двухъ **лѣтъ** онъ не зналъ ни одного дня душевнаго **спокойствія**. Онъ метался изъ **стор-** * **сторону**: ѣздилъ въ Англію, занимался боксомъ, **погружался** въ книги, проводилъ **цѣлые** дни въ **водѣ**, тренируясь въ **плаваніи**, и все не могъ забыться. Однажды, шагая **безцѣльно** по **улицѣ**, онъ **встрѣтилъ** **Одеттъ**. — Здравствуйте, Артуръ, — **сказала** она своимъ обычнымъ голосомъ, которымъ разговаривала почти со **всеми** мужчинами, такъ что со стороны можно было **подумать**, по этому звуку ея голоса, что ее съ Артуромъ соединяетъ долгая любовь и множество одинаково понятыхъ **чувствъ**, — почему васъ **нигдѣ** не видно? Куда вы идете? — Никуда, собственно.

Она держала въ рукахъ **какіе-то** свертки. — Помогите **мнѣ** это нести и идемъ ко **мнѣ** **обѣдать**, *voulez-vous*? — Я боюсь васъ **стѣснить**. — *Ne dites pas de bêtises, venez.* Будетъ еще два **человѣка**.

*) См. „Совр. Зап.“, кн. 56 и 58.

Артуръ послушно взялъ ея пакеты и пошелъ. Въ ея квартирѣ, — квартира была особенна тѣмъ, что всякій, кто туда входилъ, тотчасъ же испытывалъ желаніе лечь, почему, этого никакъ нельзя было объяснить, но это было именно такъ; и хотя тамъ были кресла и стулья, но они носили явно второстепенный характеръ и главными предметами казались именно диваны, — онъ засталъ одного молодого композитора, съ которымъ былъ давно знакомъ, застѣнчиваго, краснѣющаго и очень талантливаго человѣка и еще одного «субъекта», какъ внутренне называлъ его Артуръ. Субъектъ былъ отлично одѣтъ, носилъ маленькіе черные усики; глаза у него были миндалевидные и сладкіе, волосы черные, какъ черный лакъ, такіе же блестящіе и подбритые по бокамъ головы, чтобы лобъ казался больше. Во время обѣда онъ рассказывалъ на плохомъ французскомъ языкѣ — онъ былъ австріецъ — о своихъ «приключеніяхъ» въ большихъ гостиницахъ разныхъ городовъ, на курортахъ, на морѣ, вообще вездѣ. На лицѣ композитора послѣ перваго же его рассказа установилось выраженіе смертельной скуки, такъ и не сходившее до конца. Артуръ почти не слушалъ его, поглощенный собственными мыслями. Одна Одеттъ живо интересовалась всѣми подробностями и вмѣстѣ съ рассказчикомъ переживала, казалось, всѣ эти приключенія.

— Да, — говорилъ этотъ человѣкъ, онъ былъ докторъ, фамилія его была Штукъ, — но самая замѣчательная женщина, которую я зналъ, была вѣнка, ее звали Викторія. Викторія Тиле.

Артуру показалось, что все поплыло въ его глазахъ, ему сразу стало необычайно душно, лицо его мгновенно поблѣднѣло. Но онъ сидѣлъ въ тѣни и такъ какъ онъ не сдѣлалъ ни одного движенія, то никто ничего не замѣтилъ.

— Она была, къ сожалѣнію, просто женщиной легкаго поведенія, — продолжалъ докторъ. Слова его доносились заглушенными до Артура. Безсознательно напрягая всѣ мускулы своего тѣла, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе,

чтобы сдержаться, Артуръ самъ съ удивленіемъ услышалъ собственный **вѣжливый** голосъ, просившій доктора продолжать свой **интересный** рассказъ.

— ...**Очень**, очень сентиментальна... Какой-то романъ съ молодымъ англичаниномъ, студентомъ, о которомъ она рассказывала въ самыя, вы понимаете, **неожиданныя** и **неподходящія** минуты, — потъ катился по **измѣнившемуся** лицу Артура, — котораго она, понимаете-ли, любила больше всего въ жизни, но отъ котораго ушла, такъ какъ считала себя недостойной стать его женой. Англичанинъ былъ, повидимому, **глуповатъ**, насколько я **сумѣлъ** составить себѣ о немъ **представленіе**. Со мной она **хотѣла** остаться, въ данномъ **случаѣ**, — докторъ **засмѣялся**, — она не считала себя недостойной. И я долженъ былъ указать ей на ея истинное **положеніе** и на то, что я не могу позволить себѣ **роскоши**. — **Понимаете**, я женатъ, меня знаютъ въ **Вѣнѣ**, и **вдругъ**... Затемъ, когда нужно было разставаться, она попросила у меня денегъ; ей, какъ она сказала, было **нечѣмъ** платить за квартиру. Милая моя, мне-то ужъ не следовало бы рассказывать **такія** вещи, я **вѣдь** не англичанинъ, — съ удовольствіемъ повторилъ **Штукъ**. — И я уехалъ. Но она была очень хороша.

Артуръ не **помнилъ**, какъ онъ вышелъ вместе съ молодымъ **композиторомъ** и докторомъ, какъ онъ дошелъ съ ними до **avenue de la Motte-Picquet**, где они **разстались**. Но вспоминая потомъ все, что произошло, онъ съ **удивленіемъ** убеждался, что не сделалъ ни одной ошибки.

Былъ **поздній** часъ, улицы были пусты. Онъ подошелъ къ доктору Штуку, когда тотъ поднимался къ Трокадеро по **avenue du Prėsident Wilson**. Онъ взялъ его за плечо. Докторъ съ **удивленіемъ** обернулся. Артуръ навсегда запомнилъ это испуганное лицо съ маленькими усиками и подбритыми выше висковъ волосами.

— Вы знаете, что вы мерзавецъ? — почему-то по-немецки сказалъ Артуръ. Больше не было произнесено ничего. Артуръ не могъ выговорить ни слова и

только сжималъ все **силнѣе** и **силнѣе** шею доктора своей рукой въ кожаной, **похрустывающей перчаткѣ**. Неподалеку отчаянно и часто, какъ казалось Артуру, звонилъ колоколь. Докторъ уже пересталъ **хрипѣть**, **тѣло** его обвисло, руки опустились въ **послѣдній** разъ. Артуръ протащилъ его **нѣсколько** шаговъ. **Навстрѣчу** ему, спускаясь по троттуару **пошелъ** пожилой **рабочій** съ сумкой за **плечомъ**, изъ которой выглядывало горлышко бутылки. **Онъ** тупо и **вмѣстѣ** съ **тѣмъ** боязливо **посмотрѣлъ** на Артура и молча **пошелъ** мимо, ускоряя шаги. Артуръ бросилъ доктора, **затѣмъ**, подумавъ секунду, **вытащилъ** изъ его кармановъ бумажникъ съ документами и деньгами, два письма, **нѣсколько** **квитанцій** и записанныхъ адресовъ, **pochette** и надушенный носовой **платокъ**, потомъ засунулъ руки въ карманы и медленно **пошелъ** **наверхъ**. Была неожиданно теплая февральская ночь, мягко **блестѣли звѣзды**. Артуръ **дошелъ** до дому, не **встрѣтивъ** ни одного **человѣка**. Онъ **вошелъ** въ кабинетъ, легъ на диванъ и мгновенно **заснулъ**.

Едва за Артуромъ закрылась входная дверь дома, гдѣ онъ **жилъ**, на **улицѣ** **показался** небольшой **полицейскій** автомобиль. **Доѣхавъ** до неподвижно лежащаго **тѣла** доктора, шофферъ замедлилъ ходъ и вопросительно **обернулся** назадъ; одинъ изъ полицейскихъ пожалъ плечами и автомобиль **поѣхалъ** дальше. Но еще черезъ десять минутъ двоихъ полицейскихъ на велосипедахъ **заинтересовалъ** **человѣкъ**, зимней ночью **лежащій** на **каменномъ** троттуарѣ. Они подошли къ нему вплотную, одинъ изъ нихъ потрясъ мертвое плечо и еще черезъ **нѣкоторое** время санитарный автомобиль увезъ доктора Штука, **побѣдителя** **столькихъ** женскихъ сердецъ.

Артуръ прочелъ на **слѣдующій** день въ вечерней газетѣ въ **отдѣлѣ** faits divers о **находкѣ** трупa на avenue du **Président Wilson**, объ **убійствѣ** и невозможности установить личность убитаго. Осмотръ **тѣла**, не **потребовавшій**

даже **вскрытія**, показалъ, что смерть послѣдовала отъ **удушенія**. Прошелъ еще день, Артуръ ждалъ **появленія** **свидетельскаго показанія** стараго рабочаго, но **показанія** не было. Онъ отправился въ моргъ и **увидѣлъ** голое тело доктора, — ошибки быть не могло. Онъ вышелъ оттуда съ некоторой тяжестью ниже груди и легкой головной болью. Документы, бумажникъ и письма доктора — среди нихъ оказался конвертъ съ адресомъ **Викторіи** — давно были сожжены въ каминѣ при помощи сильнаго **пламени** паяльной лампы, которую Артуръ купилъ на **следующій** день въ большомъ **магазинѣ** на rue de **Rivoli**. Убедившись, наконецъ, что единственный свидетель того, какъ онъ тащилъ **тѣло** доктора, молчить, не желая, **повидимому**, ни **осложненій**, ни допросовъ, ни **фотографій** въ газетахъ, — старому рабочему было совершенно все равно, кто и почему убитъ, — Артуръ понялъ, что это **преступленіе** останется нераскрытымъ, какъ тысячи **другихъ**. Онъ былъ у Одэттъ и спросилъ ее о докторе, — она **отвѣтила**, что докторъ долженъ былъ на **слѣдующій** день уехать въ Вену и почему-то не зашелъ попрощаться; впрочемъ, она была уверена, что онъ просто не успѣлъ этого сделать. Тотъ фактъ, что несколько дней тому назадъ на avenue du **Président** Wilson было найдено тело задушеннаго человека, остался ей неизвестнымъ, — она не читала газетъ; впрочемъ, даже если бы она прочла **объ** этомъ, она все же была бы чрезвычайно далека отъ **предположенія** о томъ, что задушенъ былъ именно докторъ Штукъ, а не кто-нибудь другой изъ четырехъ миллионовъ жителей Парижа.

Такъ кончилась жизнь доктора Штука и точно такъ же, какъ Одэттъ, никому другому то же не пришло бы въ голову искать въ очередномъ трупѣ парижскаго морга, перенесенномъ потомъ въ **анатомическій** театръ, доктора, милаго Макса, который такъ хорошо шутилъ, такъ легко относился ко всему и у котораго было такое **великодушное** и любвеобильное сердце. Докторъ Штукъ, **Максъ**

Штукъ, австрійскій подданный, врачъ по женскимъ болѣзнямъ, принимавшій ежедневно отъ двухъ до шести, уѣхалъ однажды вечеромъ съ Westbahnhof; поѣздъ, увезшій его, много разъ возвращался и снова уходилъ съ того же Westbahnhof, но никогда больше изъ-за стекла синяго вагона «Compagnie internationale des wagons-lits et grands express européens» не показалась улыбающаяся физиономія Макса съ маленькими усиками и выбритыми висками. И только черезъ мѣсяцъ послѣ его отъѣзда широкоплечій, очень хорошо одѣтый мужчина, проходя мимо его дома, остановился на секунду передъ мѣдной досочкой «М. Штукъ, докторъ по женскимъ болѣзнямъ. Пріемъ ежедневно, кромѣ воскресенья, отъ двухъ до шести», глаза его приняли сумрачно-насмѣшливое выраженіе и онъ пошелъ дальше большими, размашистыми шагами; и онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, точно знавшимъ, почему докторъ Штукъ не приметъ больше ни одной пациентки, ни отъ двухъ до шести, ни въ какое бы то ни было другое время.

Бываютъ особенные дни въ Европѣ, чаще всего въ началѣ холодной весны, подъ дождемъ. Съ утра онъ струится сверху внизъ, стекаетъ небесной водой съ подбородковъ каменныхъ геросовъ, безмолвныхъ и неподвижныхъ путешественниковъ сквозь долгіе годы войнъ, возстаній, задыхающагося мирнаго быта еще сытыхъ городовъ, онъ тихонько шумить и капаетъ, онъ течетъ въ тысячѣ различныхъ направленій, потомъ съ наступленіемъ мутнаго европейскаго вечера, затянутого туманымъ и сумрачнымъ небомъ, онъ темно сверкаетъ въ свѣтѣ фонарей; и въ стихающемъ къ ночи движеніи городовъ, людей, автомобилей, онъ звучитъ особенно грустно и неповторимо — все съ той же непередаваемой влажной печалью. Въ такіе вечера города грустны, музыка, внутренняя музыка жизни безмолвна, каждый фонарь похожъ на маякъ внезапно

возникшаго и безпредѣльнаго черно-синяго моря съ каменнымъ тяжелымъ дномъ; и издалика въ немъ движутся, расплываясь сквозь туманъ и дождь, чудовищныя, мутныя фигуры прохожихъ; и ночью уже, въ глубокіе часы медленно-медленно приближающагося утра, начинается казаться, что тысячи летъ тяжело и влажно проплываютъ мимо окна и что никогда не кончится, — какъ никогда не прекращалась, — эта безконечная ночь, пронизанная миллиардами сверкающихъ и холодныхъ капель.

Именно въ такую мартовскую ночь, ухватившись руками за бархатныя занавѣски, занявъ своей громадной фигурой весь темный просвѣтъ, Артуръ глядѣлъ сквозь струящееся окно вѣнской гостиницы внизъ, на мостовую, гдѣ вскакивали бѣлые пузыри отъ дождя. На слѣдующее утро онъ долженъ былъ увидѣть Викторію. Онъ не могъ заснуть, и то принимался ходить по комнатѣ, то приближался къ окну и опять смотрѣлъ, какъ безконечно идетъ и падаетъ дождь. Было тихо; только глубокій металлическій звонъ часовъ черезъ равныя промежутки времени звучалъ, какъ напоминаніе, и умолкалъ, и тишина снова клубилась въ комнатѣ. — Максъ Штукъ, докторъ по женскимъ болезнямъ, — опять подумалъ Артуръ, и снова лицо съ усиками и висками мелькнуло и исчезло. Да, съ первой же минуты, когда докторъ сказалъ — ее звали Викторія Тиле — Артуръ зналъ, что онъ убьетъ его. Онъ вспомнилъ, какъ сразу отяжелели его руки, какъ пересохло горло и какъ съ самаго начала все было известно. Точно въ бреду поплыли тогда навстрѣчу улицы, дома, тротуары, такіе незнакомые и чужіе, — хотя онъ хорошо зналъ, зналъ до послѣдняго камня "эту часть Парижа. И приближеніе къ доктору, тамъ, на avenue du Président Wilson; разстояніе между ними съ каждой секундой уменьшалось вплоть до, наконецъ, наступившаго мгновенія, когда рука Артура легла на плечо доктора. Въ ту минуту — Артуръ твердо это помнилъ — онъ не думалъ ни о Викторіи, ни о своей любви; онъ забылъ о нихъ, точно ихъ нико-

гда не существовало, и если бы между нимъ и докторомъ вдругъ появилась бы фигура **Викторіи**, это ничего не **измѣ**нило бы и не остановило бы Артура. И испуганное лицо стараго рабочаго, его одежда и сумка съ жалко высовывающимся горлышкомъ бутылки и сухой, непрерывный звукъ ногъ доктора, **которыя** влачились по троттуару, — все это Артуръ **видѣлъ** сейчасъ точно со стороны. Какъ, въ силу какого расчета въ то время, какъ въ его голове не было, казалось, ни одной мысли, онъ спокойно опустошилъ карманы доктора, чтобы сделать правдоподобной абсурдную **версію убійства** съ целью **ограбленія** и помешать **полиціи** установить личность **убитаго**? Какъ, почему вообще все это могло произойти? Ни одной **секунды** Артуръ не жалелъ доктора, докторъ не заслуживалъ лучшей участи, это было безспорно и несомненно. Но все же, откуда появилось это непреодолимое чувство **убійства**, откуда возникло это ощущеніе тяжелеющихъ рукъ и сжимающагося горла и когда онъ зналъ уже нечто похожее?

— **Викторія!** — вдругъ сказалъ Артуръ, глядя восторженными, широко раскрытыми глазами въ окно, точно понявъ и забывъ одновременно, въ одну короткую **секунду**, все, что произошло.

Онъ подходилъ къ ея дому, когда было около девяти часовъ утра. Много времени спустя, онъ **вспомнилъ**, что заходилъ по дороге въ кафе и пилъ кофе, что движеніе на улице было больше обычнаго; несколько человекъ задело его и извинилось, онъ плохо слышалъ ихъ и не сразу понималъ, въ чемъ дело. Наконецъ онъ подошелъ къ дому, въ которомъ жила **Викторія**. Домъ былъ **высокій** и белый съ легкими балконами и большими окнами. Артуръ вошелъ черезъ стеклянную дверь и спросилъ очень **тихимъ** голосомъ, где живетъ фрау Тиле. — Второй **этажъ**, налево.

Только второй этажъ. Артуръ думалъ, что это выше, что надо еще идти **нѣкоторое** время, поднимаясь все выше и выше, пока **наконецъ...** Онъ не могъ себе представить **встрѣчу** съ Викторіей, не зналъ, что онъ скажетъ, какъ онъ **посмотритъ** на нее; онъ зналъ только, что теперь уже ничто не могло бы задержать его. Изъ-за двери первой квартиры слышались звуки рояля. Незнакомый **мотивъ** въ одной проскользнувшей ноте былъ похожъ на карусельный вальсъ; и онъ уносилъ съ собой **первый вечеръ** въ **Вѣнѣ** и белое платье Викторш и ея первыя слова. Еще одинъ этажъ, дверь и белая кнопка звонка. Артуръ нажалъ ее и, забывшись, долго не отнималъ пальца, и звонокъ дребезжалъ и катился по проснувшейся квартире. Незнакомое женское лицо выглянуло оттуда, Артуръ **вошелъ**; изъ дальней комнаты въ **освѣщенную** переднюю проходилъ **легкій и нѣжный сумракъ** спальни. — Что вамъ угодно? Что вамъ угодно? — **повторялъ** точно въ назойливомъ **сне женскій** голосъ возле Артура. Снизу еще разъ всплеснулъ въ воздухе обрывокъ музыки. Не отвечая, Артуръ сделалъ несколько шаговъ и остановился на пороге комнаты. Со света онъ неясно виделъ **широкій диванъ**, белые потоки просъынь и волосы Викторш. Онъ не могъ идти дальше. Приподнявшись на локте, она всматривалась едва проснувшимися глазами въ человека, стоявшаго на **порогѣ**. Это продолжалось, **можетъ** быта, одну секунду, потомъ раздался пронзительный, непохожій на звукъ **обычнаго** голоса Викторш, **нечеловѣческій** крикъ: Артуръ! и следующее, **что** онъ увидель, — онъ не зналъ, какъ это вышло, — это были глаза Викторш у его **лица**. Онъ стоялъ, не снявъ пальто, держа на **рукахъ** ея тело.

— Артуръ, Артуръ! — повторяла она, точно ища въ этомъ имени **объясненіе** того, что **сейчасъ** происходило съ ней и что было похоже на то, какъ если бы она летела въ мягкую головокружительную пропасть, стены которой **гудѣли**, какъ колокольная медь. — Артуръ, какъ

я ждала тебя! Артуръ, — голосъ ея измѣнился отъ проскользнувшаго испуга, —пусти меня, я въ пижамѣ, это стыдно.

Онъ послушно опустилъ ее на полъ, но она уже забыла про пижаму и, положивъ руки на плечи Артура, продолжала говорить:

— Артуръ, я знала, что ты вернешься. Ты не могъ не придти, правда, Артуръ? Какъ я ждала тебя!

— Викторія! — Это было первое слово, которое онъ произнесъ. Онъ хотѣлъ сказать, что теперь уже никогда не уйдетъ отъ нея, что они уйдутъ изъ Вѣны и что на свѣтѣ существуете самое настоящее счастье, которое дано испытать лишь немногимъ людямъ среди милліоновъ, которые... Онъ хотѣлъ сказать вообще очень много. Но онъ ничего не говорилъ, и только сжималъ все сильнее и сильнѣе ея тело. — Ты задушишь меня, Артуръ, — сказала она съ жалобной улыбкой, трогательной и покорной. — ты забываешь, какъ ты силенъ.

Артуръ смотрѣлъ въ ея глаза и молчалъ.

— Ты думалъ обо мнѣ, Артуръ? Ты не забывалъ меня? Я все точно носила тебя въ себе, какъ ребенка, ты понимаешь, мой мальчикъ? Это, наверное, смешно, Артуръ, я говорю «мальчикъ» о такомъ гигантѣ, какъ ты. Артуръ, я не смела, я не думала: но если бы ты не пришелъ, моя любовь была бы съ тобой повсюду.

Онъ такъ и не нашелъ словъ, они исчезли, повелительно уносимыя этимъ последнимъ путешествіемъ, они были далеки, бледны, и ничего не выражали; и сколько ни гляделъ Артуръ, не отрываясь, въ глубину этихъ минутъ, онъ не видѣлъ ни одного слова, — было только далекое движеніе, точно въ темноте неизвестнаго міра, болѣе безпредѣльнаго, чѣмъ все, что онъ зналъ до сихъ поръ и совершенно невыразимаго.

Вокзалъ неузнаваемо изменился, свежо и сильно сверкали синія молніи рельсъ, катился удаляющійся и возвра-